
Евгений СТЕПАНОВ

ДЫМ ДЫМЫЧ И ВАСЬКА

Повесть

Дым Дымыч сидел на крыльце своего родового небольшого (но со всеми удобствами, включая газовое отопление, Интернет, стационарный телефон, ванну и туалет) загородного (в пятнадцати километрах от Москвы) полтораэтажного домика, смотрел на созревший виноград «Изабелла» и не переставал удивляться невероятной щедрости и осязаемым чудесам природы: надо же, здесь, в холодном Подмосковье, среди высоченных сосен Казанского направления, растет полноценный, хоть и с кислинкой, виноград. Когда гроздья созревали, Дым Дымыч никогда не покупал виноград в магазинах, ел только свой; и не только ел, но и варил компот, делал сок, сушил, превращая небольшие темно-синие ягоды в пахучий изюм.

Осень в поселке городского типа Синицыно в этом году наступила быстро.

Уже пошли на участке грибы: сыроежки, моховики, опята. Они росли не под соснами, а чаще всего — под яблонями, под черной смородиной, в начале ствола войлочной вишни (опята). Дым Дымыч собирал грибы, отваривал минут тридцать пять-сорок, потом промывал в дуршлаге и обстоятельно жарил примерно полчаса на самом медленном огне с луком и помидорами, добавлял ломтики сливочного масла и под конец вбивал в шипящую сковородку три яйца — получалось невероятно вкусное блюдо. Грибов на участке было немного, но на жареху с картошкой каждый раз хватало.

Дым Дымыч думал об основном урожае. Он оказался хорошим: теплица, как всегда, превзошла все ожидания, дала около трехсот огурцов и более пятисот черри, около сотни помидоров «Дамские пальчики» и «Бычье сердце», выросло много груш, яблок, уродились картошка и слива, ирга и боярышник, черная и красная смородина, клубника и малина, калина и черноплодка, крыжовник и кабачки...

Считается, что огурцы и помидоры не растут вместе в теплице, но это не так. Если за растениями должным образом ухаживать, сделать для каждой культуры отдельные деревянные грядки, обеспечить должный полив, то достойные урожаи возможны. Лучшее всего урождались черри, они успевали созреть уже в июле—августе, а большие помидоры висели зелеными аж до осени. Дым Дымыч их снимал в середине сентября, клал на большой обеденный стол на застекленной отапливаемой веранде, и они через неделю-другую сами дозревали на солнышке, приобретая аппетитный красный цвет.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Знамя», «Звезда», «Урал», «Наш современник», «Интерпоэзия», «Арион», «Юность», «День и ночь», «Волга», «Подъем», «Дон» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

«Конечно, вторая теплица необходима, — думал Дым Дымыч, — тогда бы я еще больше выращивал овощей. А с другой стороны, куда их девать?»

Торговать своей дачной продукцией он не хотел.

Дым Дымыч много овощей раздавал соседям и приятелям, что-то оставлял на зиму; картошку — в погреб, огурцы и помидоры мариновал и хранил в большом двухкамерном холодильнике «Bosch», стоявшем в коридоре, в морозилке находили место замороженные смородина, ирга, крыжовник...

Маринование Дым Дымыч освоил еще в далеком детстве, когда помогал маме (ее звали Анна Георгиевна) по хозяйству. Уже тогда его, мальчика Диму, все величали в поселке Дым Дымыч. Отца тоже звали Дмитрием. Дмитрием Александровичем Свешниковым. Так и повелось — Дмитрий Дмитриевич — значит, Дым Дымыч.

* * *

Дом, точнее, полдома, в котором жил Дым Дымыч, ему достался от родителей. А родителям — от их родителей. Это было родовое гнездо.

Дедушка Дым Дымыча по отцу — Александр Алексеевич Свешников — работал в свое время (с 1957-го по 1961 год) заместителем председателя Совнархоза (говоря нынешним языком, заместителем председателя правительства) Томской области. Курировал легкую и пищевую промышленность. Направлял его на эту работу ЦК.

Жили они (дедушка, бабушка, отец и мама Дым Дымыча, а также тетя Галя, родная сестра отца) в Доме правительства в центре Томска, в трехкомнатной квартире, дом был огражден невысоким каменным забором, на входе стоял милиционер, во дворе бил красивый фонтан. В квартире был телефон (по тем временам — большая редкость), деда возил личный водитель.

Потом деда вернули в Москву. Его назначили начальником Управления капитального строительства в Министерство рыбной промышленности СССР. Тоже огромная должность. Что он имел? Двухкомнатную квартиру в Марьиной Роще (в хрущевке), где и Дым Дымыч жил до шести лет.

Вот такие были времена. Строгие и аскетичные. Деда Дым Дымыч очень хорошо помнил, он умер, когда Дмитрию исполнилось девятнадцать лет. Дед был скромный и творческий человек, любил играть на скрипке, выращивал на даче помидоры, разводил пчел. Всегда всех угощал медом. Кстати, о даче. Когда бабушка умерла, дед женился во второй раз — на тете Нине. Она-то как раз и жила в Синицыне. Именно ей изначально принадлежали эти полдома. Раньше тетя Нина жила на Арбате, их дом сломали и вместо комнаты на Арбате дали полдома в Синицыне.

Так у дедушки появилась дача, где он — к тому времени пенсионер — и проводил все время. Никаких других богатств дед не нажил. На день рождения сыну (отцу Дым Дымыча) он всегда дарил рубашку. Любил футбол. Особенно тбилиское «Динамо» и Давида Кипиани, которым восхищался. Называл его почему-то Капиани... Дым Дымыч с дедушкой в Синицыне часто ходили за грибами, музицировали на даче дуэтом: он на скрипке, а Дым Дымыч на аккордеоне.

* * *

...А тетя Галя тогда, в шестидесятые годы прошлого века, осталась в Томске. Пришла в райисполком и сказала: «Я такую большую квартиру не заслуживаю, дайте мне комнату в коммуналке...» На девушку посмотрели как на сумасшедшую. Сама отказывается от роскошной квартиры, где прописана... Но конечно, желание исполнили.

Дали ей комнату в коммуналке на окраине. Потом Галя встретила в Политехническом институте, где училась, Петериса, ссыльного латыша из буржуазной (в прошлом) семьи. Всю их семью в сталинские времена побросали в стальной вагоны и вывезли в Сибирь — спасайся как можешь. Но трудолюбивые латыши прижились, привыкли к суровой зиме, окончили институты. А Петерис (к тому времени его уже все называли Петром Ивановичем) вообще стал профессором, доктором технических наук. И спустя годы получил в кирпичном доме роскошную четырехкомнатную квартиру от университета, где преподавал. Галя (вместе с мужем Петром Ивановичем и двумя маленькими детьми) опять стала жить в хороших условиях. В хорошей семье. От судьбы не уйдешь. Петерису в девяностые годы по реституции вернули все земли — двести (!) гектаров леса вдоль рижского побережья. Но в Ригу они с женой и детьми не поехали, землю передали брату Петериса в управление, а сами остались в Сибири, которую полюбили всем сердцем.

* * *

Когда дедушка и тетя Нина умерли, дом перешел к Дмитрию Александровичу и его жене, родителям Дым Дымыча. Вскоре они, коренные москвичи, окончательно переехали за город, оставив квартиру в Марьиной Роще Люде, взрослой дочери тети Нины от первого брака.

Отец Дым Дымыча работал в поселковой синицынской школе учителем истории, он умер, когда сыну исполнилось двадцать пять лет. Большую часть сознательной жизни Дым Дымыч прожил с мамой, интеллигентной женщиной, волею судеб оказавшейся после окончания Гнесинского училища в музыкальной школе в рабочем поселке. Мама обучила сына игре на аккордеоне и гитаре, привила любовь к литературе, особенно поэзии, занималась с ним немецким языком, который знала очень хорошо. И — приобщила к саду и огороду. Ее в Синицыне и округе многие знали, поскольку она не только преподавала в музыкальной школе, но и давала частные уроки, в основном в соседнем Журавлине, который считался более престижным поселком — сугубо дачным. Даже улицы (они были более широкие, чем в Синицыне) в Журавлине назывались как-то особенно и романтично: Театральная, Пушкинская, Лермонтовская...

А в рабочем поселке Синицыно: Первый проезд, Второй проезд, Третий проезд... Четко и конкретно.

Жили они с мамой небогато, но дружно. Не голодали.

Детство Дым Дымыч вспоминал с нежностью и трепетом. Он понимал: все, что нам нужно, у нас есть с рождения. У него с рождения был дом. В этом доме Дима жил с детства. В детстве человек совершенен, он часть Бога, природы и космоса, он не оравлен цивилизацией, тотальной борьбой за выживание, он не знает, что умрет, а значит, бессмертен. В детстве Дым Дымыч был абсолютно счастлив. Мама, папа, грядки с клубникой, родная земля, кинотеатр «Полет», где показывали фильмы про индейцев, яблоны китайка, жесткие и очень сладкие груши, кот Дикий, гараж, снежные барханы, куда Дима прыгал с гаража, печка, телевизор «Рекорд», отцовский мотоцикл «Ковровец»...

Всю свою жизнь Дым Дымыч искал счастья, а потом — спустя годы — понял: родной дом — это и есть счастье.

* * *

...Гастрономические советские воспоминания Дым Дымыча уносили его в семидесятые годы прошлого века. Рядом со станцией Синицыно находился замечательный про-

дуктовый магазин. Особого изобилия там не наблюдалось, но основные продукты продавались: и хлеб, и масло, и консервы, и макароны, и тягучие конфетки «Коровка»...

Мама с Дым Дымычем любила ездить за продуктами в Москву, на станцию Вешняки (на дорогу уходило минут двадцать-двадцать пять, не больше), где в продуктовом магазине всего было в изобилии. Что там продавалось? Картошка в бумажных пакетах или на развес, крупы, сливочное и подсолнечное масло (бутылка по пятьдесят копеек, автомат сам наливал), шоколадное масло, супы из пакетиков, сайра и шпроты, куры и утки, роскошные импортные яблоки «Джонатан» (по три пятьдесят за килограмм), сыры «Российский», «Пошехонский», «Колбасный», сгущенка (не всегда), колбасы («Докторская», «Любительская»), был шикарный кондитерский отдел, где красовались за стеклянными прилавками манящие разнообразные шоколадные конфеты, включая трюфеля, леденцы, печенье «Юбилейное» в красной пачке, пастила, зефир, торты «Подарочный» (любимый, за два сорок), «Ленинградский» (тоже за два сорок), «Сказка» (за рубль девяносто)... Продавались и бананы (правда, чаще всего зеленые), и мандарины (не всегда), и хурма. Осенью и в Москву, и в Синецyno завозили арбузы и дыни, виноград...

Мама готовила жареную и вареную (часто в мундире) картошку, суп из пакетиков или консервов, суп с фрикадельками (обожаемый!), жарила утку (на гарнир рис), пекла сладкие шанежки и пирожки с капустой и рисом...

В доме всегда были зефир, пастила, иногда отец привозил откуда-то воблу (это был страшный дефицит).

Свешниковы постоянно покупали квас из бочки. Трехлитровый бидон стоил тридцать две копейки. Большая кружка — шесть копеек, а маленькая три. Большой роскошью Дима считал лимонад и, особенно, «Байкал», который стоил сорок пять копеек. «Байкал» был аналогом американской кока-колы и пепси-колы — их паренек впервые попробовал во время Олимпиады-80.

* * *

Летом почти каждый выходной Дима ездил с ребятами за грибами — в соседние деревни Овражки, Коренево, Донино (это по Казанской железной дороге, но по другому ответвлению — Люберцы-II). Дима всегда привозил много грибов, и мама их варила и жарила.

Если в лесу Дым Дымыч находил дикие яблони, то собирал маленькие яблочки, приносил домой, и мама варила компот.

Также она делала кисель, оставляла сыну на день целую бадью киселя с белым хлебом. И Дым Дымыч мог легко продержаться на киселе. Часто оставляла вареные яйца, воблу, бутерброды с маслом и сахарным песочком. Всегда в доме были урюк, курага, изюм, компот из сухофруктов.

* * *

В 1979 году, будучи студентом МАИ, Дым Дымыч оказался в стройотряде в провинциальном Тамбове, в Тамбовской области. И обнаружил, что обеспечение в провинции хуже, чем в столичном регионе.

Не продавали, например, сливочного масла, сгущенки...

В Тамбове в брежневскую эпоху можно было купить колбасу по три пятьдесят, хлеб, крупы, консервы, яблочное вино по пятьдесят копеек, яблоки, груши, картошку, конфеты, разнообразные пирожные (ром-бабы, заварные (эклеры), «корзиночки» с кре-

мом), соки, яйца... С голоду, конечно, никто не умирал. Необходимый минимум в магазинах присутствовал, но и не жировал народ.

В райцентре Рассказово (Тамбовская область), где Дым Дымыч работал, продавались копченые куры-гриль, но за ними выстраивались громадные очереди. Дефицит в Советском Союзе в самом деле существовал. В магазинах в райцентре всегда были селедка, какая-то невзрачная картошка, хлеб, капуста, соки в трехлитровых стеклянных банках, карамельки, сливочный коричневый ирис в плитках... Ассортимент продуктов не отличался разнообразием. Но все равно люди и здесь не голодали. И разумеется, все в изобилии продавалось на рынке: и сухофрукты, и хорошее мясо, и рыба, и летом клубника, которую местные жители почему-то называли «Виктория»...

Капитализм изменил продуктовые магазины. В крупнейших супермаркетах («Магнит», «Пятерочка», «Перекресток», «Дикси» и т. п.) купить продукты можно на любой вкус — правда, неизвестно какого качества.

Появилось много морепродуктов, разнообразные колбасы, сыры, мясо, рыба, фрукты, не дефицит теперь даже торт «Птичье молоко».

Но вкусы Дым Дымыча остались прежними. Он по-прежнему покупал картошку и яйца, овощи и фрукты, сухофрукты (курагу, изюм, чернослив). Покупал печенье и конфеты, каши и мясо, сайру и шпроты (консервы)...

По сути, рацион не изменился. Правда, Дым Дымыч стал покупать еще морепродукты (например, копченые мидии).

Никаких разительных перемен в рационе питания не произошло. И восхищения перед капиталистическим продуктовым изобилием Дым Дымыч тоже не испытывал. Это для него никогда не было самым главным.

* * *

Мама ушла ровно пять лет назад, оставив сыну этот дом (полдома) и восемь соток песчаной подмосковной земли, на которых росли высоченные вековые сосны и стояла большая поликарбонатная теплица.

И вот теперь Дым Дымычу приходилось обрабатывать огород самому, да и все остальные домашние дела легли на его неприспособленные плечи: стирка, готовка, оплата коммунальных платежей...

Жены у него не было. Увлечения, подруги раньше ненадолго появлялись, а вот до загса дело не доходило.

Исполнилось Дым Дымычу пятьдесят девять лет, жизнь оказалась почти прожита, он не успел и глазом моргнуть, как все пролетело.

* * *

...После окончания МАИ и службы в армии лейтенантом Дым Дымыч в 1985 году устроился на оборонный завод мастером, участвовал в производстве «Бурана». Жил хорошо, получал восемьсот (!) рублей, огромные деньги, которые почти полностью отдавал матери, себе оставляя немного — на пиво и сигареты. Карьеру он делать не хотел, но в его подчинении сразу же оказалось восемьдесят человек, взрослых мужиков лет по сорок-сорок пять, которые зарабатывали тогда, в восьмидесятые годы прошлого века, верные шестьсот рублей, а то и поболее. Порядки на оборонном заводе сложились довольно суровые; с судимостью, например, не брали, за прогулы штрафовали, но существовала и возможность дополнительного заработка — любая внеурочная работа оплачивалась отдельно. Это, конечно, миф, что при советской власти не было

элементов рыночной экономики. Рабочие получали столько, сколько зарабатывали. Другое дело, что штат раздували — слишком много существовало балласта вроде секретарей комитета ВЛКСМ или профоргов.

После перестройки заводы стали закрывать, Дым Дымыч ушел в торговлю, стал продавать книги, на ура тогда шли Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ»), Климов («Протоколы советских мудрецов»)… Приторговывал Дым Дымыч и эротическими журналами — «Плейбоем» и «Пентхазузом», которые ему нелегально привозили из дальнего и ближнего зарубежья. Дело шло довольно бойко. В месяц зарабатывал до двух тысяч долларов (рубли он предпочитал обменивать на валюту, оставляя «деревянные» только на текущие расходы). Это чистыми — после оплаты аренды киоска на Казанском вокзале, раздачи mzды ментам и т. д. Но и тут не обошлось без приключений. В один не самый прекрасный момент менты совсем обнаглели, увеличили оброк с двадцати до пятидесяти процентов от прибыли. Дым Дымыч пытался сопротивляться, но безуспешно, спорить с ним не стали, а просто отвели в участок, а потом и вовсе завели уголовное дело. Хорошо еще, что отделался легким испугом. Дали год условно. И больше он торговлей не занимался и с ментами не спорил.

* * *

Руки у Дым Дымыча росли откуда надо, умел он все.

Ездил на заработки, было у него два неофициальных работодателя — Женя и Саша. Женя, приезжий парень лет двадцати семи из Оренбурга, прибыл покорять Москву, открыл фирмешку, давал объявления в Интернете и находил клиентов, что-то делал сам, а когда не справлялся, приглашал Дым Дымыча, вместе они строили заборы, стелили полы, обшивали дома сайдингом… Женя был парень хваткий и жуликоватый, все время хотел объегорить заказчика, заработать на материале, но не всегда это получалось, точно рассчитать, сколько понадобится досок, он не мог, и порой ему самому приходилось доплачивать. В день Женя платил Дым Дымычу от двух с половиной тысяч до четырех. В зависимости от сложности заказа и суммы заключенного контракта.

Другой работодатель — сорокалетний плотный москвич Саша — специализировался на сантехнике и электрике. Устанавливал унитазы на дачах, делал проводку, ставил котлы отопления… Дым Дымыч помогал и ему. Саша платил не менее трех тысяч в день, но когда уходил в запой, забывал про все свои обещания. Запои случались примерно два-три раза в год. И Дым Дымыч больше любил работать с Женей.

А еще у Дым Дымыча был постоянный личный клиент — Василий Егорыч, который жил неподалеку, в соседнем Журавлине. Василий Егорыч преподавал стилистику в двух институтах и писал литературоведческие книги, делать руками ничего не умел, и ему все время требовалась помощь.

За годы сотрудничества Дым Дымыч так сблизился со своим ровесником Василием Егоровичем, что чувствовал себя у него как дома. Часто они беседовали на всевозможные темы. Привечала Дым Дымыча и жена Василия Егоровича, молоденькая Алена, которая радовалась любому новому человеку в доме, потому что жила в поселке частенько одна: муж нередко уезжал в Москву, где у них была квартира.

* * *

— Как вы думаете, будет война? — спросил однажды Дым Дымыч преподавателя-литературоведа.

— Война не прекращалась и не прекращается ни на минуту, — резко ответил Василий Егорович, — Вторая мировая плавно перетекла в Третью мировую — невидимую. Са-

мое страшное, что те цели, которые коллективный Запад (а не только Германия) ставил во время Второй мировой войны, во многом реализованы. Под влиянием Запада находится и черноземная Украина, и нефтеносный Баку и так далее. Сталин и Жуков никогда не верили, что Гитлер покончил с собой. И наверное, правильно делали. Существует целая литература о том, как Гитлер дожил до старости в Аргентине. Впрочем, дело даже не в Гитлере. Дело в интересах, в сырье. Из-за него, собственно, и происходят все войны. Идет война и сейчас. Это вечное противоборство латинского и византийского...

— Пандемия — это тоже война?

— Да, конечно. Это новое оружие. И возникла эта пандемия не случайно. Цель понятна — сократить население, умертвить слабых. По факту это новая форма концлагеря. Или Спарты. Ничего нового нет. Все это человечество уже проходило. Формы меняются, а суть остается прежней.

— А Россия сохранится?

— Конечно. Хотя нам, как всегда, придется очень трудно. Те, кто развалили СССР в 1991 году, прежде всего хотели уничтожить Россию. Никаких благих намерений у революционеров (как правило, несамостоятельных игроков) нет и быть не может. И конечно, история вынесет свой приговор всем могильщикам СССР... Но случилось чудо. Несмотря на чудовищную геополитическую катастрофу, несмотря на ухищрения различных негодяев, Россия воскресла, восстала из пепла, как птица Феникс. Более того, Россия оказалась, возможно впервые в своей истории, в выигрышной позиции. Наконец-то можно подумать об исконных российских землях, развивать их, улучшать жизнь своего народа, а не думать о других. И Россия — что бы мне ни говорили неумные злопыхатели! — развивается. Прогресс — во всем — очевиден.

— Но большинство-то людей стало жить хуже по сравнению с Советским Союзом... — возразил Дым Дымыч.

— Мы просто все забыли... Я жил в советское время много лет в провинциальном Боброве, в Воронежской области. Работал там в школе. Это было страшное и нищее захолустье.

— Да, я тоже жил в провинции в советское время... Помню, — согласился Дым Дымыч.

— И я помню: ведь в магазинах в черноземной области (!) не было нормальной картошки.

— Это правда. Я на Тамбовщине в семидесятые—восьмидесятые в стройотряде работал. Хорошо помню тамошний райцентр. Бедно, конечно, жили. Но люди были душевные, и медицина была бесплатная, я там заболел, и мне аппендицит вырезали. Ни копейки не взяли.

— Сейчас бы вам тоже вырезали. По полису медицинского страхования. Я все-таки о другом сейчас говорю... Теперь любой райцентр (в том числе и мой любимый Бобров!) — уютный и ухоженный город, в котором московская цивилизация. Те же магазины (а продуктовые, может быть, и побогаче, потому что много продуктов местного производителя), частный бизнес, частное производство, добротные особняки... В том же Боброве новый Сбербанк и роскошный киноконцертный зал, нормальные дороги... В советское время динамично развивались все республики, кроме одной — РСФСР. Так вот пускай теперь эти республики, ставшие независимыми странами, сами решают свои вопросы. Они хотели свободы — она пришла. На здоровье! Пусть всем будет хорошо. Нам нужно налаживать спокойные, взаимовыгодные добрососедские отношения, но не более того. Настала пора нам подумать о себе.

— А ЕС?

— Что ЕС?

— Он сохранится как институт?

— Я думаю, что он претерпит очень сильные изменения. Принцип образования ЕС и СССР, по сути, похож. Единая валюта, открытые границы... Но кто выигрывает от этого объединения? Выигрывают слабые. А сильные, ставшие донорами, в конечном итоге проиграют. Что уже и происходит. Уровень жизни в Германии и Франции (а это экономические локомотивы ЕС) в последние годы непрерывно снижается. Тот, кто проявляет жертвенность, становится жертвой. Так было с Россией в СССР, так сейчас происходит с Германией и Францией в ЕС. Первыми поняли, что к чему, хитрые англичане и сбежали из ЕС. Поймут, разумеется, и немцы, и французы, которым, полагаю, никто не скажет спасибо за их инвестиции в экономику соседних (и несоседних) государств. А Россия — проиграв — выиграла. Мы действительно добились многого.

— Может быть, вы все-таки преувеличиваете?

— Нет, я не преувеличиваю. Я начал ездить на Запад тридцать пять лет назад, долго там жил, я прилетал тогда за границу, как на другую планету. А сейчас цивилизация в России в экономическом плане ничем не отличается от цивилизации в самых развитых странах. Те же товары, те же технологии, те же проблемы... Все-таки мы стали свободнее. Появилась возможность заниматься своим делом, появилась возможность жить так, как ты хочешь и где ты хочешь. Я не говорю, что все хорошо. И коррупция у нас чудовищная, и расслоение общества существует, и ошибок во внешней и внутренней политике сделано множество. Все это есть. Но мы очень многого добились. И все это Россия прошла за стремительные тридцать лет. Прошла быстро, эффективно, очень успешно. Да, конечно, с огромными потерями, но прошла. Сейчас время для нормальной работы. Я верю в свою страну!

— И назад, в СССР, не хотели бы?

— В СССР было много хорошего. Я лично и тогда жил хорошо. Но сейчас мне, конечно, лучше.

— А я очень люблю СССР. Я оттуда родом. И комсомол для меня не пустое слово, и стройотряд, и заводская проходная, и уверенность в завтрашнем дне, и нормальная пенсия для мужика в шестьдесят лет... Государство нас всех защищало! Тогда, а не сейчас. Хотя и нынешний строй, признаю, имеет свои плюсы, — сказал Дым Дымыч. — Самое главное — теперь я могу в полном объеме, без посредников, работать на себя, а не на дядю. И каждый может, если способен. Так что есть, есть, согласен, кое-какие плюсы в капитализме.

— Это однозначно, — охотно продолжил разговор Василий Егорович. — Вот я на медни в десятый раз, наверное, посмотрел замечательный фильм Юлиа Райзмана «Коммунист». Фильм этот очень непростой, многоплановый и неоднозначный — как раз о разнице общественно-экономических формаций. Долгие годы этот фильм воспринимали у нас в стране как идеологическую агитку, но это вовсе не так. Более того, я считаю, что этот реалистичный фильм во многом антисоветский.

— Я помню этот фильм, — ответил Дым Дымыч, — родители его любили. Но что же там антисоветского?

— Да все, — начинал кипятиться Василий Егорович. — Вот главный герой Василий Губанов, которого блистательно играет Евгений Урбанский, агитирует идти людей на субботник. Никто не хочет. Вот машинисты остановили поезд, потому что у них нет дров (топлива). А сами рубить дрова в лесу они совершенно не желают. Губанов их стыдит, но они даже не понимают толком, в чем их вина. Плохие люди? Да нет, не плохие. Люди как люди. Никто не хочет работать бесплатно. Никто не хочет заниматься не своим делом. Это противоестественно. Да, есть герои, как Василий Губанов, который вызывает восхищение и любовь, есть святые, но их немного.

— Верно, не поспоришь, — согласился Дым Дымыч, — святые — в лучшем из миров...

— Неоднозначен и образ крестьянина-середняка Федора, мужа Анюты, — продолжал разгорячившийся преподаватель. — Вроде бы и хитер, и жаден он, вычитает деньги за лампадное масло из Губанова, читающего по ночам «Манифест Коммунистической партии», и хлебом с салом не угощает знакомого, а меняет на ботинки. Ну что тут скажешь? Мироед, да и только. Но когда погибает Василий, отбивший у него жену, именно Федор приглашает Анюту вернуться домой. А ребенка хочет усыновить. Каждый ли из нас способен на такие благородные поступки?

— Да, это точно, чужое дитя в дом привести — это для мужика подвиг, — не стал возражать Дым Дымыч.

— И еще. Как жила Анюта при Федоре? Ладный дом-пятистенок, хозяйство, запасы. Как она живет при новой власти? Она живет в бараке. Вот тебе и весь социализм. Нельзя России без кулака, без мужика-работяги. На нем все держится.

* * *

Возбужденный литературовед еще что-то говорил, а Дым Дымыч уже думал о своем, он думал о том, что все-таки ему в жизни повезло. А главное везение — родной дом, где он родился и живет, яблони и грядки, теплица и кошки, белки, бегающие по соснам, ежики и бронзовки, синицы и свиристели, голуби, которых кто-то еще держал в голубятне, романтические гудки проходящих поездов...

В этот раз Дым Дымыч приехал к Василию Егоровичу на три дня — чинить забор. Кто-то въехал на машине в старый штакетник писателя, и часть забора просто рухнула плашмя. Нужно было делать новый каркас, потом закупать и прибивать доски.

Василий Егорович всегда платил по одной таксе — три тысячи (три рубля, как он говорил) в день. Это всех устраивало. В доме писателя была гостевая комната — там Дым Дымыч и останавливался.

Когда он уезжал (или уходил) на заработки, за кошками присматривали соседи, они давали им три раза в день влажный корм «Вискас», который оставлял Дым Дымыч. Отношения с соседями (Дым Дымыч знал их много лет) были хорошие. Пятидесятилетняя Ирина каждый день ездила на работу в Москву, она работала в туристическом агентстве. Ее дочка-подросток Васька (Василиса) любила покормить соседских трех кошек. Отца у них не было — умер много лет назад.

* * *

Заработав двенадцать тысяч, Дым Дымыч вернулся в Сеницыно, погладил хвостатых, дал им «Вискаса». Дым Дымыч был дома... Ничего ему больше не хотелось, только быть на своей земле, не выдумывать ирреальную действительность, а жить в настоящем мире, улучшая свой небольшой надел земли, который принадлежал ему от рождения.

Дым Дымыч открыл холодильник и обнаружил, что колбаса, яйца, пельмени (его постоянная холостяцкая еда) и корм для кошек почти закончились, и он пошел в «Пятерочку», благо этот магазин находился недалеко от его дома — рядом с железнодорожной станцией. По дороге ему встретился соседский небольшой по размерам и беспородный, но очень милый и пушистый пес Тяпа, который на улице выполнял роль городского или участкового. Тяпа (хозяйка его выпускала погулять без намордника — одного) следил за порядком на улице и очень не любил, когда по ней ходили чужие люди. Тогда Тяпа начинал ругаться, неистово лаять, прогонять чужаков. Как любая

власть, Тяпа, конечно, был склонен к коррупции. Когда ему давали небольшую косточку или сосиску, он тут же начинал угодливо вилять хвостом и в бывшем недруге видел, точно гандист, положительные черты.

С Дым Дымычем Тяпа был знаком давным-давно — поэтому при встрече только по-вилял хвостом.

Дым Дымыч купил еды и вернулся на участок. По телевизору передали печальные новости, что уровень заболевания ковидом в России поднялся.

Стало ясно, что быстро эта зараза не пройдет.

Дым Дымыч пошел кормить своих котов, которые очень любили своего хозяина.

Белый кот Мурлыка обнимал его лапами, как человек, — жалел.

Черная кошка Монро принесла на кухню маленькую несчастную мышку — угостила или отчиталась о работе.

Рыжий кот Батон, как всегда, пел веселые песни — развлекал. «Разве можно грустить, когда у тебя такие друзья?!» — думал Дым Дымыч.

* * *

...Время утекало быстрее, чем вода в сливное отверстие в ванне.

Зима оказалась теплой. Дым Дымыч со своими кошками перезимовал легко: вода в металлических трубах ни разу не замерзла, старенькая газовая колонка, произведенная в советское время в городе Жуковском, до сих пор работала исправно. И снегу с крыши пришлось счищать немного.

Когда наступала весна, Дым Дымыч преображался под стать природе... Расцвели слива и вишня. Вся в белом, как невеста, была груша. Начинили цвести яблони. «Это и есть Эдем», — думал Дым Дымыч. Он понимал: он часть этой земли. Благоденствие царило в душе.

* * *

Когда становилось тепло, где-то в середине апреля, Дым Дымыч наполнял шлангами бочки, стоявшие на сарае, водой и открывал банный сезон — водопровод в баню был заведен через бочки.

Дым Дымыч часа три топил печку-каменку, включал бойлер, чтобы нагрелась вода для душа. Температуру в парилке он поднимал до сорока пяти-пятидесяти градусов, больше не выдерживало сердце. Как правило, он смывал три пота, для этого хватало три ковша, теплую воду (с можжевельновыми каплями) на камни он поливал аккуратно. Мелкодисперсный пар обволакивал парную, и Дым Дымыч становился счастливым.

Баня была его главным отдохновением в жизни, как, наверное, у большинства поселковых жителей.

Дым Дымыч сидел на нижнем полке и вспоминал, как строил баню — большую, двухэтажную.

Он построил ее с нуля, кого-то нанимал, что-то делал сам. Сначала сделал свайный фундамент, потом заказал с Вологодчины сруб, бревна — двести десять миллиметров в диаметре, потом с Женей стелили металлочерепицу на крышу (Женя взял за работу по минимуму), потом внутри обшивал сам вагонкой, а снаружи — имитацией бруса. Пригласил знакомого электрика Федора сделать разводку... В общей сложности строил баню года три с половиной. В строительстве ему всегда помогала кошка Монро, проверяла все работы, залезала в самые отдаленные уголки дома, не отходила от хозяина — точно понимала, что это строится и для нее.

* * *

...Дым Дымыч готовил рыбу. Котов выгнал в коридор, чтобы не мешали. И вот они (Мурлыка, Монро и Батон) стояли под дверью и пели (горланили!) душераздирающие протестные песни о несправедливости мира, о том, что все ужасно, о том, что хозяин окончательно рехнулся и, кажется, не собирается делиться.

Ну, потом котам, конечно, перепало рыбешки. Успокоились. И пошли — довольные — в садик гулять.

Протестные песни на время прекратились.

* * *

Кошка Монро, привыкшая верховодить на участке и всех задирать, неожиданно-негаданно вступила на чердаке дома в битву с осой. Но маленькая и гордая оса дала решительный отпор хвостатому агрессору. И чуть не укусила кошку за нос. Дым Дымыч подоспел вовремя — открыл окно и вежливо проводил осу в сад. Битва закончилась ничьей.

Кошка задумалась.

* * *

Пистолет Дым Дымыч держал в руках только в армии, да еще в жутковатые девяностые, когда делал определенные успехи в бизнесе, торгуя книгами и журналами на вокзале...

Слава богу, пистолет в девяностые не пригодился.

А вот часовым Дым Дымычу стать пришлось.

Намедни он обнаружил, что в скворечнике, который был прибит к гаражу, — птенцы. Родители (синички) приносили деткам пищу, разных червячков и мошек. Птенцы жизнерадостно пищали. Жизнь кипела. Разумеется, все это первой заметила неугомонная кошка Монро, видный орнитолог. И стала очень выразительно на этот скворечник смотреть...

Кошку Дым Дымыч прогнал, пути доступа к скворечнику — разными железками — перекрыл.

Но кошка Монро — очень опытная охотница, не лыком шита. Поэтому когда она была на участке, а не спала в доме, Дым Дымыч стоял возле скворечника, как часовой. Охранял покой бедных чирик. В качестве оружия у него был веник.

* * *

На улице местные власти положили асфальт. Поселок постепенно преображался.

* * *

Синичата улетели из скворечника. На душе у Дым Дымыча было и грустно, и радостно.

Радостно, что он их уберег от кошки.

Грустно, что...

В общем, он их, синичат, полюбил. Привык к ним. Синичата — маленькие поющие зинзиверчики.

В добрый час!

* * *

Болезнь уносила слабых, старых и больных. Но не только. Случилась страшная беда. От ковида умерла мама Василисы, Ирина, — сгорела за три дня, в областную больницу Кусково имени Евдокимова ее отвезли, когда спасать было поздно: легкие оказались поражены на девяносто пять процентов.

Ваську ковид почему-то не тронул.

Она пришла к Дым Дымычу на участок, уткнулась в плечо и начала безудержно рыдать. Ваське исполнилось семнадцать лет, она училась в местном колледже на экономиста.

Дым Дымыч обнял девушку и сказал: «Васька, пожалуйста, успокойся, пока я жив, никто тебя не обидит, деньги я получаю хорошие, прокормимся. Я буду давать тебе на жизнь двадцать пять тысяч в месяц, и так приходи ко мне, поешь, у меня всегда еда найдется».

Васька вздрагивала, рыдая, но постепенно приходила в себя. Через полчаса она вернулась к себе домой, а Дым Дымыч начал делать между их участками небольшую дверь — как он ее назвал, калитку дружбы.

* * *

Прошло полгода. Васька привыкла к Дым Дымычу, стеснялась, но брала его деньги, заходила к нему. Она не бедствовала, собес назначил ей пенсию.

Они жили в одном доме, разделенном общей стеной, — девушка и стремительно стареющий мужчина, который давно махнул на себя рукой и доживал свой век.

Васька выросла, но ребят к себе не водила, занималась после учебы своим огородом, заходила к Дым Дымычу, помогала ему поливать теплицу, полоть сорняки, играла с кошками. Она росла не по дням, а по часам. На свое восемнадцатилетие она пригласила двух девчонок из колледжа и Дым Дымыча. Васька накрыла на стол, Дым Дымыч принес пирожных и черноголовского дорогого бутылочного лимонада. Вино не пили. Вечером, когда все разошлись, Васька зашла через калитку к Дым Дымычу и сказала:

— Ну вот я и взрослая, совершеннолетняя. Я вам нравлюсь, Дым Дымыч?

Он чуть дар речи не потерял.

— Да ты что, Васька, с ума спятила? Мне под шестьдесят уже, а тебе восемнадцать. Ты мне во внучки годишься.

— А вы мне нравитесь, я хочу, чтобы вы были моим первым мужчиной!..

— Ты это брось, Васька, ищи парня среди сверстников, зачем я тебе, старик, я свое отжил, а тебе жить да жить. А вот дом я тебе оставлю. Будет куда мужа привести.

Васька заплакала и убежала через калитку дружбы к себе.

На следующий день она пришла как ни в чем не бывало и опять занималась огородом, играла с кошками, приготовила Дым Дымычу ужин.

— А как вы думаете, Дым Дымыч, — спросила Васька, — почему люди ссорятся?

— Ты с кем-то поссорилась? — переспросил Дым Дымыч.

— Нет пока, я так, вообще спрашиваю. Типа — интересно.

— Люди ссорятся, потому что ума у них немного. Я давно понял, что умные люди из врагов делают друзей, а глупые — из друзей делают врагов. Умных, к сожалению, очень мало. А вообще, союзники довольно часто переходят в разряд противников. Как только дело касается, например, денег, союзники проявляют свое лицо. Своя рубашка ближе к телу — такова природа человека. Это нужно знать и понимать. И воспринимать это нужно спокойно, с пониманием, не пытаясь ломать себя и под кого-то подстраиваться. Иначе можно потерять своего главного союзника — самого себя.

— Я с вами согласна, — сказала Васька. — Хорошо вам, взрослым, все-то вы знаете. А я иногда даже с подругами договориться не могу. Терки у нас часто...

— Ну, говори, говори, что стряслось?! — допытывался Дым Дымыч.

— Да Ленка Иванова, я с ней на первом курсе познакомилась, сказала мне, что я шибко худая. А сама, я знаю, на диете сидит, чтобы понравиться Толику Ишину со второго курса.

— Ну, вот ты сама и ответила на свой вопрос. Никакая ты не худая, а нормальная, стройная девушка. А подруга твоя тебе просто завидует.

— Прикольно, я тоже так думаю, — не стала спорить Васька.

* * *

Вечером в доме вырубился свет. Дым Дымыч открыл электрический щиток, он не подавал признаков жизни.

Дым Дымыч позвонил в Мособлэнерго. Вежливая дама спросила: «Чем мы можем вам помочь?»

Дым Дымыч сообщил, что в доме нет света.

«Хорошо, — ответила дама, — сейчас мы к вам направим аварийную бригаду. Ждите! Машина приедет в течение тридцати минут».

Дым Дымыч не поверил своим ушам. В течение тридцати минут? Так быстро? Ну, значит, денег хренуку кучу сдерут.

Машина приехала через семь минут. Ребята проверили щиток, потом полезли на электрический столб. Там все посмотрели, заменили какие-то провода. Через десять минут в доме зажегся свет.

Дым Дымыч предложил ребятам деньги, но они отказались. «Что вы, что вы, не надо, это наша работа!»

Через минуту позвонила дама из Мособлэнерго и уточнила, все ли электрики сделали так, как надо.

Дым Дымыч сердечно ее поблагодарил.

Она спросила: «Можем ли мы вам еще чем-то помочь?»

Тут Дым Дымыч совсем растерялся. Так вежливо с ним не говорили, наверное, никогда.

Но тогда Дым Дымыч на всякий случай купил побольше свечек и поставил их в подсвечники.

* * *

Когда 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция на Донбассе, Дым Дымыч впал в депрессию. Он понял, что напичканные деньгами силы зла добились своего, стравив два родственных народа, по сути — один народ.

Дым Дымыч стал чаще ходить в церковь, молился и дома. Просил Господа, чтобы он всех вразумил.

— Дым Дымыч, что же теперь делать? Неужели это война с Украиной? — спросила Васька.

— Не знаю, — отвечал Дым Дымыч, — я ничего не понимаю. Я уповаю на молитву... Но думаю, что это война не с Украиной, а с Западом на территории Украины. Как всегда, борьба за ресурсы, которые Украине давно не принадлежат. История повторяется. Я сейчас постоянно об этом думаю. Даже стихи на старости лет стал писать... Вот недавно сочинил произведение под названием «Противостояние»:

Псы-рыцари ползут на Русь
Веками, по знакомой трассе.
И я ответить не берусь,
Кто их спровадит восвоюси.

Псы-рыцари... Их план бесов;
Сулят дары славянам щедро.
Хотя интересуют псов
Лишь наши земли, наши недра.

Да, я думаю, что мы воюем не с Украиной, а с Западом. Это вечная борьба за умы, за земли, за черноземную пашню, за портовые города... У меня есть знакомый писатель, Василий Егорович его зовут, я тебя потом с ним познакомлю, он мне давно обо всем этом говорил...

— Вы никуда не уедете из России?

— Ну как ты могла такое подумать, Василиса? Я здесь родился, здесь и умру.

— Вы уж лучше живите, — сказала Васька.

— Спасибо, — согласился Дым Дымыч.

* * *

Прошло еще полгода.

Спецоперация продолжалась.

И жизнь продолжалась.

Несмотря на тотальные санкции, которые Запад обрушил на Россию, в магазинах было полное изобилие. Рубль укрепился. И заказы у Дым Дымыча не переводились.

* * *

...Дым Дымыч отмечал свой день рождения, пригласил преподавателя-писателя Василия Егоровича и Ваську, которая к тому времени стала совсем взрослой и симпатичной девушкой.

Васька принесла недорогого «Советского» шампанского, писатель открыл бутылку и наполнил девушке бокал, Дым Дымыч и Василий Егорович выпили по рюмке коньяку.

Дым Дымыч с писателем долго говорили на всевозможные темы, а Васька слушала.

Василий Егорович уехал, а Васька осталась.

Смеркалось.

Дым Дымыч прилег, а Васька мыла посуду. Потом она вошла в комнату, где лежал Дым Дымыч, и сняла свитер, оставшись в одной маечке. И быстро легла к Дым Дымычу.

— Я только полежу с вами, не волнуйтесь, не хочу я от вас уходить...

Они лежали вместе, он не мог шелохнуться, по его телу пошли мощные внутренние — жизненные! — потоки энергии, Дым Дымыч вспомнил, что он еще мужчина, но сделать какие-то решительные шаги так и не посмел. Он хорошо знал, что и так совершил в жизни много грехов.

Минут через двадцать девушка тихо ушла к себе, не попрощавшись.

На следующий день Дым Дымыч оформил дарственную на Ваську — отписал ей свои полдома. И отдал дарственную ей.

* * *

Дым Дымычу стало плохо через неделю. Он лежал на диване и смотрел телевизор, внезапно прихватило сердце, он хотел пойти за валокордином, но встать было трудно. Держась за сердце правой рукой, Дым Дымыч сел на диван и начал думать, что делать. Он понял, что вот так и приходит смерть, неожиданно-негаданно, и остановить ее очень трудно, почти невозможно. Он боялся пошевелиться, любое лишнее движение могло привести к непоправимому финалу. Дым Дымыч все-таки встал и потихоньку пошел во двор, на участок, доковылял до огородика. Обнял руками клубничные грядки, рухнув на них плашмя. Дым Дымыч лежал полуживой и чувствовал, как свое второе сердце, не прекращающееся ни на секунду дыхание земли. Уже погружаясь в последнюю мглу, он вдруг услышал громкий пронзительный голос: «Дым Дымыч, не умирай, вставай, это я, Васька!..»

Он с трудом приоткрыл глаза, над ним стояла прекрасная и неотменимая Василиса. А потом он увидел врача в белом халате. Дым Дымыч понял, что еще не умер.